

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРОВ В РОССИИ

Е. В. Акинфеева, Б. А. Ерзнкян

Возникновение кластеров лежит в русле общей тенденции перехода экономической деятельности из сферы собственно предприятий в область межфирменных отношений, сетевых структур, являющихся в институциональном смысле гибридными образованиями. Рассмотрены институциональные особенности кластеров и дана динамика их формирования и развития в России в региональном разрезе.

1. Введение: от фирм-иерархий к сетевым структурам

Производственно-хозяйственная деятельность, протекающая в основном в рамках предприятий (фирм), в XX столетии вышла за их атомарные пределы, представ в организационном плане более сложно — продолжая аналогию, скажем, — молекулярно устроенной, на что экономическая теория не могла не отреагировать. Реакция последовала со стороны альтернативных или пограничных теорий, поскольку ортодоксальная экономическая теория (неоклассическая в своей основе) не спешила порывать с привычным для себя взглядом на фирмы-предприятия как на основные и, пожалуй, единственные институционально организованные единицы производственной деятельности, которые математически традиционно описывались с помощью производственных функций. Так, например, в новой институциональной экономике, в особенности в экономической теории трансакционных издержек, фирма стала трактоваться — без понижения значения производственной функции (*production function*) в качестве основной функциональной характеристики ее деятельности — как структура управления (*governance structure*) [14]; в эволюционной же, скажем, теории предприятия акцент стал делаться на «функционировании хозяйствующих субъектов в изменяющихся условиях» [12, с. 34], что опять-таки отличало ее от неоклассики.

Такой подход позволил рассматривать в качестве единиц экономической деятельности не только фирмы (иерархии), взятые сами по себе, но и всевозможные их образования и группирования, которые в институциональном смысле представляют собой причудливую смесь фирменных и рыночных отношений, если рассматривать институты фирмы и рынка в качестве двух противостоящих друг другу полюсов. Оливер Уильямсон такие группирования окрестил гибридными устройствами, или гибридами. Несмотря на большое разнообразие гибридных устройств, в них, тем не менее, при-

сутствует по-прежнему дух иерархичности, что неудивительно, ведь иерархиями Уильямсон называет — еще со времен выхода в свет в 1975 г. своей знаменитой книги «Рынки и иерархии» [18] — фирмы как таковые, противопоставляя их рынкам. В гибридах же (как смеси фирм и рынков) степень иерархичности меньшая по сравнению с иерархиями-фирмами, но большая, чем в ситуации экономической организации исключительно на неиерархических по определению рыночных началах.

Одновременно с этим практика, будь то отечественная, или зарубежная, стала демонстрировать с убыстряющейся частотой появление группирований иного — по преимуществу неиерархического — рода. Из таких образований для целей настоящей статьи интерес представляют кластеры — институционально де-юре оформленные либо просто де-факто ведущие себя подобно сознательно сконструированным групповым единицам объединения предприятий и организаций, жизнеспособность которых достигается за счет синергии, источником которых может быть пространственная (региональная), отраслевая (промышленная) либо какая-либо иная общность входящих в них участников. Соответственно появились и теоретические работы по кластерам — группам географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, способных благодаря взаимодополняющему действию и эффективному использованию внутренних ресурсов повышать конкурентоспособность страны на мировом рынке [2, 13], а также по иным неиерархическим, горизонтальным, таким как сетевые, структурам. Особенно велика в подобных структурах роль исторических предпосылок развития (формирования) ареалов кластеров, разнообразия унаследованных культур ведения бизнеса, форм организации производства и получения образования [6, 16].

В целом общая тенденция развития форм экономической организации — и об этом свидетельствует бурный рост как кластеров и по-

добных им образований, так и теоретических работ по этой тематике — такова, что в XXI в. будут преобладать именно неиерархические, сингулярные по своей институциональной специфике и культурно-исторической неповторимости структуры.

В этой связи возникает вопрос, может ли кластеризация, если вообще такой процесс возможен, стать стратегическим направлением — возможно, наряду с иными — вывода страны из состояния в целом непрекращающегося трансформационного спада и институциональной ловушки (по сути перманентного кризиса как прямого следствия двух деkad либерального экспериментирования) и переориентации ее на путь инновационного развития. И если да, то какой должна быть государственная политика по целенаправленному формированию («выращиванию») и развитию кластеров как перспективной формы «взаимодействия российских промышленных предприятий», «наиболее гибко приспособляющихся к различным экономическим условиям субъектов Российской Федерации» [8, с. 236]? Если к тому же учесть возможность получения от функционирования как отдельных кластеров, так и их совокупности синергетического эффекта, то результаты такого потенциально возможного и ожидаемого при определенных условиях эффекта могут, предположительно, сказаться не только на национальной, но и мировой экономике.

Чтобы разобраться с этим, необходимо предварительно ознакомиться с особенностями формирования и развития сетевых структур вообще и кластеров в частности, с динамикой роста кластеров (если таковой имеется) и характерными тенденциями (опять-таки, если таковые наблюдаются) в сфере кластеризации экономики России.

2. Институциональные особенности кластеров как сетевых структур

Развитие кластеров как сетевых систем мезоэкономического уровня характеризуется рядом особенностей:

1) составные единицы в сетях-кластерах существуют не сами по себе, а в отношении друг к другу;

2) трансакции в них осуществляются не чисто рыночным и не явно внутрифирменным образом, а посредством связанных сетевой логикой индивидов, вовлеченных во взаимозависимую, преференциальную, друг друга поддерживающую и тем самым усиливающую деятельность;

3) во многих кластерах-сетях имеется едва различимое разделение ролей — формальных (по месту участников в кластере — как структуре бизнеса) и неформальных (по их месту в кластере — как социальной сети), причем позиция какого-нибудь кластера в одной ипостаси часто определяет его место в другой [4, с. 28].

Участники кластерных формирований, как и вообще экономические агенты мезоуровня, — как правило, всевозможные группирования предприятий, организаций, регионов, властных структур и пр. — стали объектом интенсивного экономического изучения в последние десятилетия в связи с появлением на практике новых организационных форм, традиционно не являющихся, как было отмечено, предметом исследования экономической науки. Такие образования в целом не нуждаются в организационном оформлении, основным цементирующим средством которых являются иерархия и субординация. Тем не менее, несмотря на отсутствие формального органа координации, такие сетевые совокупности действуют так, словно такой орган наличествует [6], что достигается благодаря наличию институциональных структур и механизмов, координирующих взаимодействия участников сетей, которые по своей сути не являются ни чисто рыночными, ни чисто внутрифирменными: они суть гибриды. Некоторые исследователи [16] характеризуют сетевую форму организации экономической деятельности как новую — «сетевую» — модель взаимодействия, другие [11] считают сетевую форму результатом социальной эволюции общинной формы жизнедеятельности людей, а потому не совсем новой.

В работе [6] высказана точка зрения, что новизна сетевой системы заключается не в отсутствии в ней следов прошлого, а в степени ее нынешнего распространения, во многом являющейся реакцией на недостатки — по большому счету, относительные — рыночной и иерархической формы координации. Так, сторонники первого взгляда считают, что сетевые формы организации, благодаря созданию «лучших коммуникаций, чем это может сделать рынок», обеспечивают «лучшую координацию перед лицом изменений, значимость которых не может быть полностью передана или понята через ценовые сигналы». К тому же, «поскольку границы сетевых форм организации обычно более легко управляемы, чем границы иерархий, более легким являются модификации композиции сетевых организаций как ответная реакция на эти изменения» [16, р. 8].

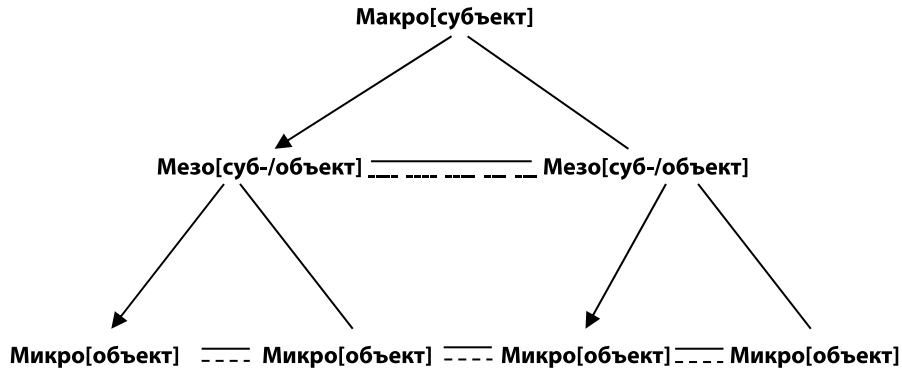

Рис. 1. Институциональные связи по горизонтали и вертикали

Устойчивость сетевых структур как целостностей не может обеспечиваться исключительно спонтанной координацией действий вовлеченных в них агентов. Поскольку организационные (иерархические, властные) воздействия в сетях если и играют какую-нибудь роль, то только второстепенную, то на первый план выходят факторы институциональные — даже если исходить из того, что институты суть всего лишь ментальные, не подкрепленные внешней силой конструкты. В этой связи целесообразно обратиться к способам координации сетей посредством таких институтов, как нормы и правила [4].

Нормы суть институты, ограничивающие действия связанных между собой сетевой структурой социальных связей агентов, в отличие от правил — институтов, предписывающих те или иные действия агентам, вынужденным их исполнять в силу вхождения в иерархическую структуру отношений. Но раз нет иерархии, то носители норм оказываются в одинаковом положении: связанные нормами, они взаимодействуют, не обладая при этом властными полномочиями. Вообще говоря, фактор должностования все-таки присутствует, и дисциплинируют участников взаимодействия социальные санкции. Норма — коллективное, клубное благо, являющееся достоянием членов того или иного коллектива, клуба. Примерами могут служить люди одного вероисповедания, носители одного и того же языка, фирмы одной отраслевой, региональной, групповой и иной принадлежности. С точки зрения нормы ее носители принадлежат к одному уровню иерархии. В ситуации с нормами характер подчинения им можно охарактеризовать как добровольный.

Правилами связываются носители, принадлежащие к различным уровням иерархии. При этом субъекты вышестоящего уровня являются не просто пассивными носителями правил, они суть их порождающие устройства; более

того, генерируемые ими правила предназначены не для собственного потребления, а для исполнения объектами нижестоящего уровня. По существу, первые выступают в роли принципалов, вторые — агентов; используются также обозначения субъектов и объектов правил. В ситуации с регулятивными правилами агенты (объекты) обязаны подчиняться принципалам (субъектам), поскольку первые наделены властными полномочиями, а вторые — нет. Благодаря наличию обратной связи субъекты могут отслеживать, насколько добросовестно объекты выполняют предписанные им правилами действия. Характер этой связи отрицательный, это значит, что субъект может корректировать выполнение предписаний по отклонениям. В ситуации с конститутивными правилами подчинение объектов субъектам носит не принудительный, а скорее — добровольно-принудительный характер.

Для выявления специфики взаимодействия агентов на мезоуровне введем в рассмотрение еще один — промежуточный, или мезоэкономический, уровень. Для этого представим институциональную структуру в виде графа с ориентированными (для регулятивных правил) и неориентированными (для конститутивных правил) разноуровневыми ребрами, а также неориентированными ребрами одного уровня (для норм) (рис. 1) [4].

Элементы мезоуровня могут вступать между собой в формальные и неформальные отношения. Первые — это отношения рыночного типа, если сторонами являются организации, фирмы. Формально такие отношения являются контрактными, сторонами контракта — юридические лица. На практике, однако, прибегают к поддержке одного института другим либо другими, что позволяет усилить степень успешности контракта. Пользуясь психологическими терминами Б. Скиннера [17], можно сказать, что контракт в роли первичного подкрепления структуризации отношений допол-

няется, скажем, нормой доверия — в роли вторичного подкрепления. Получается, что комплементарным к формальному институту выступает иной, неформальный институт. Но такой подход к экономическим агентам является поверхностным или, лучше сказать, он отражает «поверхностную» структуру их отношений. Дело в том, что неформальные отношения между юридическими лицами невозможны, и сторонами в них выступают физические лица, относящиеся к микроуровню. «Глубинная» структура отношений агентов на мезоуровне включает формальные (контрактные) отношения между фирмами и индивидами микроуровня, входящими, соответственно, в фирмы, отношения между которыми (т. е. индивидами) базируются на неформальной норме доверия. В итоге «поверхностная» структура двойного институционального отношения на мезоуровне трансформируется в «глубинную» структуру, включающую по одному институциональному отношению на мезо- и микроуровне [4].

Все эти разноплановые институциональные отношения присутствуют в той или иной степени не только во взаимодействиях фирм-иерархий, но и в сетевых структурах и таких их специфических формах, как кластеры: многое здесь зависит от конкретных обстоятельств, целей, мотиваций и прочих атрибутов их формирования и развития. Более того, одни и те же кластеры могут со временем претерпеть изменения — скажем, возникшие спонтанно кластеры могут обрести формальными структурами, а кластеры, образованные сверху, могут быть поддержаны снизу и, будучи подкрепленными неформальными связями, превратиться в полнокровно функционирующие кластеры. Некоторые образования, заявившие о себе формально как о кластерах, могут так и не стать ими в полном смысле этого слова, другие, не имевшие, казалось бы, никаких шансов на успех, могут состояться де-факто. В этой связи представляет интерес ознакомление со спецификой российских кластеров, динамикой их формирования и развития.

3. Динамика формирования и развития кластеров в России

В целом, как за рубежом, так и у нас в стране, наблюдается положительная динамика развития сетевых структур, в том числе кластеров и им подобных образований, причем как в количественном плане, так и в отношении качества их функционирования. Но необходимо разбираться, что стоит за этой динамикой, по-

скольку положительной связи в целом между количественным ростом региональных кластеров в Российской Федерации и уровнем развития регионов (по показателю ВРП на душу населения) не наблюдалось [4, с. 28-29].

Совершенствование механизмов и структур сетевых взаимодействий — как формально-контрактных, так и неформально-договорных — во многом зависит от степени развития институциональной среды, в которой укоренены сети. И при их надлежущей институционализации, как показывает зарубежный опыт, можно ожидать гарантированного повышения эффективности социально-экономической системы, охваченной соответствующим кластером.

Говоря о перспективах развития сетевых структур вообще и кластеров в частности, нельзя не учитывать традиционно присутствующее российским чиновникам (впрочем, это свойственно бюрократии как таковой — где в большей, а где и в меньшей степени) стремление «приукрасить» действительность — с тем, чтобы извлечь потенциальную ренту от (краткосрочной кампании или долгосрочной стратегии) кластеризации страны. Результатом такого отношения к кластерам может стать, собственно говоря, уже и становится, девальвация самого понятия «кластер», которое стало использоваться к месту и не к месту и не только чиновниками, как, например, «при описании (исследователями) псевдонаучных явлений, совершенно не связанных с проблемами размещения производственной деятельности» [9, с. 178–179].

Это обстоятельство — погоню чиновников за рентой (поведение, ориентированное на поиск ренты, *rent-seeking behavior*) и сознательные искажения или заблуждения исследователей, не свободных от собственных мировоззренческих и (или) идеологических пристрастий, — следует принять во внимание при оперировании с данными о количестве (то ли реальном, то ли мнимом) существующих и формирующихся в России кластеров. Примером заблуждений могут служить завышенные ожидания от кластеризации, иллюзии, вызванные желанием разорвать порочный круг, возникший в 1990-е гг. в России: «Современный российский рынок является продуктом неразвитой демократии, а неразвитая демократия, в свою очередь, становится результатом неконкурентного рынка» [10, с. 19].

Так или иначе, но понятия «кластер», «кластерный подход», «кластеризация экономического пространства» в последнее пятилетие получили широкое распространение в эконо-

Таблица

Подходы к кластеризации внутри и вне кластерной политики

Характеристики, подходы	Субъект кластеризации	Объект кластеризации	Способ организации кластеризации
Внутри кластерной политики: «сверху вниз»	Государственные или региональные власти	Преимущественно отраслевые кластеры	Инициированная сверху организация на основе вертикальных связей
Внутри кластерной политики: «снизу вверх»	Муниципальные власти и предприниматели	Пространственные кластеры	Инициированная снизу организация на основе вертикальных связей
Вне кластерной политики	Предпринимательское сообщество	Территориальные структуры	Индукцированная предпринимательским сообществом самоорганизация на основе горизонтальных связей

Адаптировано по: [9, с. 179].

мической литературе, в стратегиях и программах территориального развития, разрабатываемых в Российской Федерации и за рубежом органами государственной власти и местного самоуправления, стали предметом научных исследований. В то же время, широкий спектр определений, указывающих на их различные, зачастую противоречащие признаки и свойства, не позволяет выработать единый подход к построению кластеров, выбор адекватных инструментов экономической кластерной политики.

В таблице приведены имеющиеся на сегодняшний день подходы к кластеризации экономического пространства в Российской Федерации. В ней использованы понятия «кластер» (вместе с отглагольным существительным «кластеризация») и «кластерная политика». Законодательное определение первого понятия на уровне федеральных законов отсутствует, но сам термин «кластер» активно применяется в отраслевых подзаконных актах Российской Федерации. Что касается второго понятия, то его можно определить (при отсутствии его дефиниции в федеральных законах) как систему государственных мер и механизмов поддержки кластеров, обеспечивающих повышение конкурентоспособности регионов, предприятий, входящих в кластер, а также обеспечивающих внедрение инноваций. Таким образом, «кластерная политика» выступает своего рода альтернативой политике промышленной, традиционно страдающей не только неспособностью обеспечить условия для конкуренции ввиду принципиального проведения адресной поддержки конкретных предприятий и отраслей, но и неспособностью обеспечить условия для кооперации по причине наличия ведомственных барьеров. Предполагается, что замена промышленной политики (какой бы она ни была) кластерной (предположительно лучшей), элементы кото-

рой заложены в Концепции долгосрочного социально-экономического развития страны до 2020 года, поможет решить две эти взаимосвязанные задачи.

Субъектами кластеризации в Российской Федерации, как правило, выступают государственные или региональные власти — в пользу этого говорят 73 из 92 рассмотренных нами информационных источников. Иными словами, в подавляющем большинстве случаев реализуется принцип кластерной политики «сверху вниз», реже (19 из 92) субъектами выступают муниципальные власти или предпринимательское сообщество; в последнем случае возможна как организация «снизу вверх» на основе вертикальных связей, так и самоорганизация.

Что же касается распределения ролей внутри кластерной политики между государственными и региональными органами, то в основном первую скрипку в этом процессе играет государство, если и не в плане выдвижения инициатив, то, по крайней мере, в плане их поддержки. Так, например, Министерство экономического развития России выпустило Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации (письмо от 26.12.2008 г. №20615-АК/Д19), которые направлены на содействие развитию кластерных инициатив в регионах России. Методические рекомендации подготовлены с учетом Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, и содержат основные положения, касающиеся реализации кластерной политики в регионах России. Помимо этих рекомендаций существует еще ряд официальных документов, направленных на создание и развитие кластеров на территории Российской Федерации.

В плане же проявления инициатив с мест, обобщенным автором которых можно назвать предпринимательское сообщество в широком смысле, то предположительно они должны быть, но ассоциировать точно появление конкретного кластера с инициативой конкретного сообщества проблематично. Одна из причин заключается в том, что кластеризация является делом коллективным, в котором принимают участие власти разных уровней, заинтересованные предприятия — потенциальные участники и/или бенефициарии, организации и индивиды — инсайдеры или аутсайдеры процесса саморазвития, самоорганизации кластеров. В работе [3] приводятся данные, свидетельствующие об успешной попытке разработки и обоснования технологии построения бизнес-кластеров как саморазвивающихся локальных экономических систем, обладающих внутренним импульсом развития и учитывающих региональную специфику.

В общем случае элементы организации и (или) самоорганизации кластеров встречаются на практике не в отдельности друг от друга, а в том или ином сочетании — вертикальных связей с горизонтальными, нерыночных сил с рыночными, внешних воздействий с внутренними, кооперационных начал с конкурентными т. п. Помимо прогнозируемых, с большей или меньшей степенью уверенности и надежности, факторов значительную роль в процессе образования и развития кластеров и кластерных структур играют случайные факторы. Все это создает объективные трудности в деле идентификации и классификации кластеров, вызывает массу вопросов, на которые трудно дать однозначные ответы — с какого момента считать кластеры действующими, как определить границы кластеров, как отличить кластеры от подобных, но не сводимых к ним образований, кластеры реальные от виртуальных и пр.

Подчеркнем, что само по себе отнесение кластеров к одному из этих двух типов является далеко не простой — как в практическом, так и теоретическом плане — задачей. Что считать кластером, а что нет, по каким критериям их идентифицировать, каковы их отличительные признаки — эти и другие вопросы продолжают оставаться предметом дискуссий. В числе нетривиальных и требующих специального изучения вопросов, вслед за А. Е. Шаститко, отметим следующий: «Есть ли достаточные основания говорить о сформированности кластера, если установлен факт наличия гибридных форм территориальной локализации институцио-

нальных соглашений между компаниями как вдоль технологической цепочки, так и на одной и той же стадии, включая поставщиков знания — исследовательские центры?» [15, с. 31].

Необходимо отметить, что на основе обзора существующей литературы по кластерным структурам выявлено, во-первых, отсутствие четкого и единого понимания того, что же такое кластер; во-вторых, в чем суть кластерного подхода к развитию регионов и повышению их конкурентоспособности; в-третьих, анализ литературы показывает, что отсутствуют конкретные методики выявления кластеров, разработки механизма их поддержки на уровне региона, количественный и качественный эффект, получаемый в процессе образования. Так как процесс выявления, определения и описания кластера еще не стандартизирован, в работе предпринята попытка разработки собственных методов. Итак, создание и перспективы развития кластеров в регионе следует рассматривать под углом зрения следующих принципов: общие, которые присущи для всех типов и видов кластеров, независимо от их отраслевой направленности, и специальные, которые учитывают отраслевую направленность реального или формирующегося кластера.

К общим принципам формирования кластеров относится учет:

- географического положения региона;
- административно-территориального устройства региона;
- особенностей природы и природно-ресурсной базы региона, их влияния на условия жизни населения;
- состава населения, демографических и этнокультурных особенностей;
- особенностей хозяйства региона (т. е. основные факторы развития отраслей, проблемы региона и пути их решения).

Специальные принципы учитывают отраслевую направленность реальных или формирующихся кластеров, к ним относятся:

- промышленные кластеры (добывающие, перерабатывающие и производящие товары);
- кластеры, предоставляющие услуги. Ими являются материальные кластеры (торговля, общественное питание, жилищно-коммунальное и бытовое обслуживание, транспорт, связь). К такому типу относятся также нематериальные кластеры (образование, культура, здравоохранение, физическая культура, государственное и административное управление, охрана общественного порядка).

При необходимости можно выделить и такой тип кластеров, как инновационный. В ра-

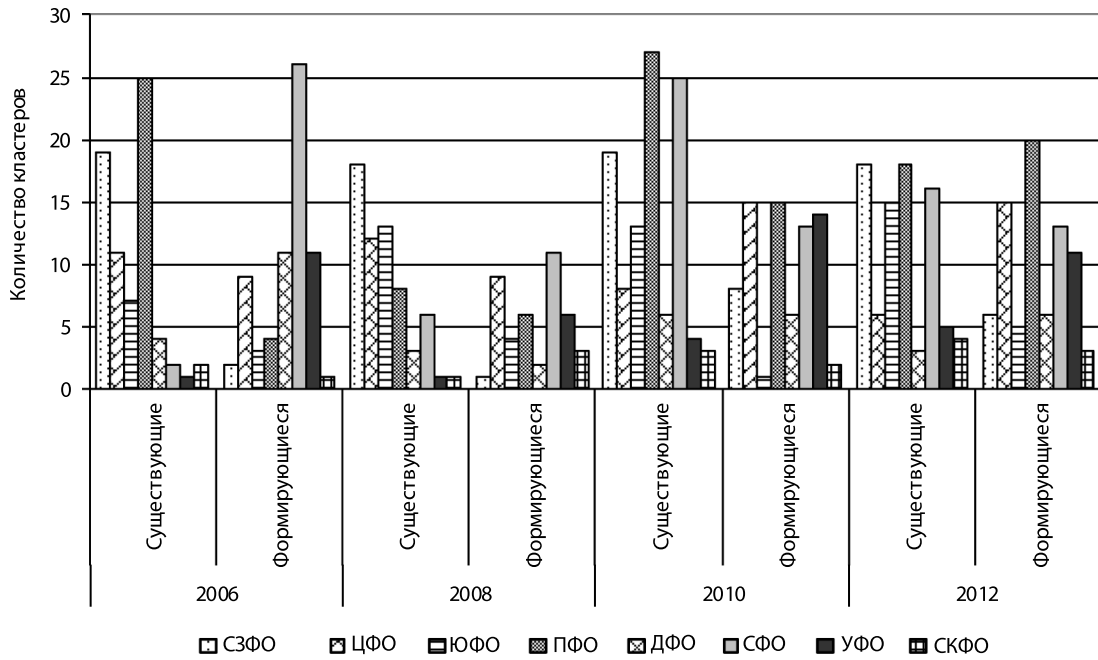

Рис. 2. Диаграмма распространения кластеров на территории России по ФО, 2006–2012 гг.

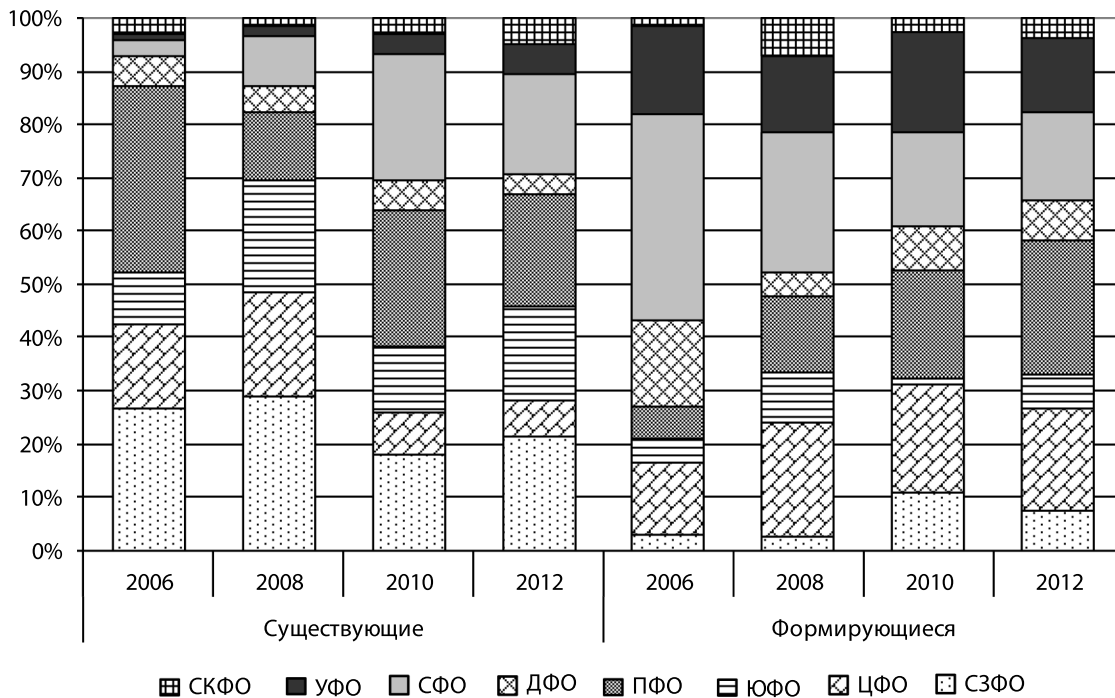

Рис. 3. Диаграмма распределения существующих и формирующихся в России кластеров по ФО, 2006–2012 гг., %

боте [2] отмечается, что кластеры, которые начинают внедрять новые технологии, создают условия для интеграции научно-исследовательских организаций, вузов с промышленной и социальной сферой, тем самым усиливая их влияние на социально-экономическое развитие региона и способствуя формированию инновационных кластеров.

Деятельность перечисленных кластеров напрямую зависит от принадлежности к той или иной отрасли. Базируясь на данных интернета,

далее в работе рассматривается и анализируется территориальное распространение кластеров в России.

Прежде чем перейти непосредственно к поставленным вопросам, еще раз подчеркнем, что все числовые показатели получены и структурированы на основе открытых данных в сети интернет с помощью поисковых запросов, и, соответственно, представительность полученных данных может быть поставлена под сомнение.

Ниже рассмотрим состояние существующих и формирующихся в России кластеров в динамике (см. рис. 2, 3) на основе открытых данных, собранных и проанализированных авторами за период 2006–2012 гг.

Исходя из приведенных выше (рис. 2, 3) диаграмм распространения кластеров на территории России по федеральным округам с 2006 по 2012 гг. можно сделать вывод об их разнонаправленной динамике. В 2006 г. наибольшее число существующих кластеров находилось на территории ПФО — 25, в 2008 г. наибольшее число приходилось на долю СЗФО — 18 кластеров, а наименьшее — УрФО и СКФО, в 2010 г. наибольшее в ПФО — 27, а на втором месте по количеству существующих кластеров был СФО. И, наконец, в 2012 г. первое место заняли ПФО и СЗФО: их доля составляла 21% от общего числа кластеров, а на последнем месте оказался ДФО — с 3% от общего числа кластеров.

По числу формирующихся кластеров лидерами были СФО в 2006 и 2008 гг., их доля составляет 36% и 26% соответственно, ПФО в 2010 и 2012 гг. — 21% и 25% соответственно. Минимальное количество кластеров в 2006 и 2012 гг. приходилось на долю СКФО (3% и 4% соответственно), в 2008 г. — СЗФО (2%), а в 2010 г. — ЮФО (1%).

4. Государство и кластеризация

Разбросанные по разным округам кластеры далеко не однородны: одни из них имеют длительную предысторию, другие образуются практически с нуля, одни из них действуют вполне успешно, другие не очень, одни из них являются инновационными, другие традиционными. Этот перечень того, что их разносит, можно продолжить, но есть и то, что их роднит: все они или почти все нуждаются — по разным причинам и, что правда, в неодинаковой степени — в поддержке государства и (или) иных (скорее влиятельных, чем просто заинтересованных) общественных, хозяйственных, научных, образовательных и прочих организаций и институтов.

Все вышеприведенные кластеры, напомним, либо функционируют в более или менее полном объеме, либо только формируются. Грань между первыми и вторыми — зыбкая, и одна из причин такого положения дел кроется в том, что теория Портера, зафиксировавшая «преимущества кластеров перед несетевыми типами агломераций», так, по существу, и «не раскрыла при этом ни механизма их образования, ни их организационного устройства» [7, с. 22]. А это — дополнительное препятствие на пути к отождествлению некоего структур-

ного образования с кластером, тем более что непонятно, с какого момента считать его кластером, если вообще правомерно называть его кластером. К тому же у Портера появление кластерных сетей никаких ассоциаций с целенаправленными усилиями властей не вызывает. Но специфика России в этом и проявляется, что ждать, пока рыночное пространство — которое к таковому можно отнести разве что с большой натяжкой — настолько эволюционирует, что приведет к возникновению кластеров, никто не желает. В принципе, это понятно и отчасти даже оправданно, но беда в том, что на практике это приводит к тому, что за кластеры выдают все что угодно, благо кластерная риторика нынче в моде, а значит — потенциально выгодна. Выражением заинтересованности участников рынка в кластеризации могут служить выдвигаемые ими кластерные инициативы, государства — кластерная политика и формирование кластерных программ.

Но что же может дать государство потенциальным участникам кластерных образований, и по каким направлениям органы государственной власти и, добавим, местного самоуправления могут содействовать развитию кластеров? Обычно ожидается, что государство может оказать содействие институциональному развитию кластеров, развитию механизмов поддержки проектов, направленных на повышение конкурентоспособности предприятий и содействие эффективности их взаимодействия, обеспечению формирования благоприятных условий для развития кластеров и т. п. Государство может помочь регионам сориентироваться в своем инновационном и социальном развитии, направить это развитие в желательное для себя (общества и долгосрочного социально-экономического развития страны) и для регионов русле.

Все это верно. К примеру, в рамках реализации поддержки территориальных кластеров предполагается осуществить:

- предоставление субсидии бюджетам субъектов Российской Федерации на цели реализации мероприятий, предусмотренных программами развития инновационных территориальных кластеров;

- обеспечение поддержки реализации программ (мероприятий) развития инновационных территориальных кластеров в рамках федеральных целевых программ и государственных программ Российской Федерации;

- привлечение государственных институтов развития к реализации программ развития инновационных территориальных кластеров;

— стимулирование участия крупных компаний с государственным участием, реализующих программы инновационного развития, в деятельности инновационных территориальных кластеров.

Но возникает резонный вопрос: продиктовано ли желание государства оказывать поддержку в кластеризации страны исключительно «альтруистическими» — в смысле выполнения им функций общественного договора (будем считать, что таковой имеется) — соображениями? Или здесь есть элемент своекорыстия, возможности присвоения (себе) ренты (хотя бы в виде традиционных откатов) — в этом случае, скорее, не государством как таковым, а госчиновниками — от участия в той или иной степени в кластерных проектах, программах и пр.?

Ответить на этот вопрос нужно хотя бы для того, чтобы отличить «истинную» (общественно обусловленную) заинтересованность органов государственной власти от «ложной» (вызванной частными интересами) или от «завуалированной». Но даже в случае истинной заинтересованности, где гарантии, что государство (пусть даже вполне искренно) не обманывается, что создание конкретных кластеров обосновано и общественно значимо? Ведь, как показывает опыт многих стран, попытки создания кластеров «сверху» ни к чему путному не приводили. Да и проект «Сколково» с его пятью кластерами инновационной направленности — информационных, биомедицинских, энергоэффективных, ядерных и космических технологий (и телекоммуникаций) — вызывает больше вопросов, чем дает ответов.

В целом проблем с кластерами множество, взять, к примеру, проблемы с финансированием — и не только государственным: придется констатировать, что процесс формирования кластеров (проектов) за счет частных инвестиций нередко затягивается по причине недостаточного финансирования проектов.

Многие проблемы возникают вследствие, казалось бы, простой причины — отсутствия законодательного определения понятия «кластер» на уровне федеральных законов, что отчасти можно объяснить тем, что законы, чаще всего, принимаются законодательным органом с некоторым запаздыванием. В принципе это и понятно: сначала возникают, зачастую спонтанно, определенные экономические явления и общественные отношения, затем — нужда в их регулировании (поначалу ручном, после правовом). Таков путь появления Гражданского кодекса, некоторых других федеральных зако-

нов. В пользу сказанного говорит тот факт, что термин «кластер» активно применяется в ряде отраслевых подзаконных актов Российской Федерации. Вот лишь некоторые из них:

1) Постановление Правительства РФ от 23.04.2010 № 282 «О национальной нанотехнологической сети». В нем дается определение научно-производственного кластера как договорной формы кооперации организаций, обеспечивающих и осуществляющих целенаправленную деятельность по разработке, производству и продвижению продукции нанотехнологии на внутренние и внешние рынки высокотехнологичной продукции;

2) Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»;

3) Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1663-р «Об утверждении основных направлений деятельности Правительства РФ на период до 2012 года и перечня проектов по их реализации»;

4) Распоряжение Правительства РФ от 01.10.2010 № 1660-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»;

5) Приказ Минпромторга РФ от 23.10.2009 № 965 «Об утверждении Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2020 года». В нем отмечается, что фармацевтический кластер представляет собой группу географически локализованных взаимосвязанных инновационных фирм — разработчиков лекарств, производственных компаний; поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных услуг; объектов инфраструктуры: научно-исследовательских институтов, вузов, технопарков, бизнес-инкубаторов и других организаций, дополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом. Отличительным признаком эффективно действующих кластеров является выход инновационной продукции;

6) Приказ Минэкономразвития РФ от 16.02.2010 № 59 «О мерах по реализации в 2010 году мероприятий по государственной поддержке малого и среднего предпринимательства». В нем используется понятие центров кластерного развития для субъектов малого и среднего предпринимательства, которые создаются в

целях содействия принятию решений и координации проектов, обеспечивающих развитие инновационных кластеров субъектов малого и среднего предпринимательства и повышающих конкурентоспособность региона базирования соответствующих инновационных кластеров и кооперационное взаимодействие участников кластера между собой.

Кроме того, в указанных документах широко используются термины «инновационные территориальные кластеры», «инновационные высокотехнологичные кластеры», «территориально-производственные кластеры», «высокотехнологичные кластеры», «технологические отраслевые кластеры», «профильные инновационные кластеры». Что же касается собственно территориальных кластеров, то они трактуются как объединения предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, связанные отношениями территориальной близости и функциональной зависимости в сфере производства и реализации товаров и услуг. Важно обратить внимание на то, что территориальные кластеры не обязаны замыкаться в границах одной территории-юрисдикции: они могут размещаться на территории как одного, так и нескольких субъектов Российской Федерации.

Помимо отраслевых имеются и иные подзаконные акты, скажем, постановления Правительства Москвы или распоряжения префектов административных округов города Москвы. Так, кластерная политика Москвы определяется как политика города по объединению организаций науки, промышленности, других субъектов инновационной деятельности, которые своей целью имеют выпуск высокотехнологичных родственных продуктов или услуг (Постановление Правительства Москвы от 02.09.2008 № 781-ПП).

Сказанного достаточно, чтобы понять: при отсутствии на уровне федеральных законов определения «кластер» оно (и производные от него понятия) широко используется в разного уровня правительственных нормативно-правовых документах. Кластеры в России — медленно, противоречиво, оправданно или необоснованно, виртуально или реально — тем не менее развиваются, и это вселяет надежду на возможность трансформации риторики виртуальной кластеризации в действенную политику по формированию и развитию кластеров.

5. Заключение: кластерные стратегии и их реализация

В завершение сказанного отметим, что задача от формирования и функционирования кластеров, в особенности ориентированных на инновационное развитие страны, зависит во многом от кластерных стратегий социально-экономического развития, которые могут служить эффективным инструментом развития экономической системы вообще и региональной в частности. В работе [5] приводятся принципиальные черты таких стратегий, отражающих миссии регионов в осуществлении стратегии социально-экономического развития страны в целом:

— основой кластерной стратегии является адекватная формулировка миссии региона как социально-экономической системы;

— кластерная стратегия должна быть инструментальной, доведенной до конкретных действий, могущих быть предметом планирования, финансирования и мониторинга и способных развернуться в реализующие их проекты и программы;

— необходимо обеспечить обоснованность декларируемых проблем для социально-экономического развития региона и действий, направленных на их решение;

— важнейшим условием успешного осуществления реализации стратегии является формирование системы мониторинга проектов и программ;

— необходимы количественные оценки макроэкономических показателей, которые могут быть достигнуты в результате реализации кластерной стратегии и образующих ее проектов и программ;

— кластерные стратегии должны содержать анализ перспектив участия регионов в реализации стратегических целей федерального уровня и оценку возможных взаимодействий с федеральными органами исполнительной власти;

— необходимо рассматривать кластерные стратегии в качестве средства консолидации активности региональных властей, бизнеса и населения для достижения совместных целей и решения социально-экономических проблем, осознаваемых кластерным (региональным) сообществом;

— различия целей участников кластеризации обуславливают различия их целевых показателей, что должно найти отражение в процессе разработки кластерной стратегии;

— ожидания и интересы участников должны быть охарактеризованы адекватным образом [5, с. 45-46].

Реализация этих, наряду с иными, черт кластерных стратегий призвана обеспечить, помимо прочего, формирование конкурентоспособных на российских и международных рынках кластерных игроков, а также конкурентные преимущества для развития кластеров. Насколько успешно это будет сделано, зависит во многом от стратегии взаимодействия реги-

ональных участников кластеризации с федеральными органами исполнительной власти, для чего нужно реализовывать проектный подход (любое действие администрации — это проекты) и использовать методы количественного анализа, требующие применения методов экономико-математического моделирования [1].

Список источников

1. Агафонов В. А. Анализ стратегий и разработка комплексных программ. — М.: Наука, 1990. — 216 с.
2. Акинфеева Е. В. Формирование и развитие региональных кластеров // Наука. Инновации. Образование. — 2008. — № 7. — С. 177-191.
3. Грушевский Д. В. Развитие бизнес-кластеров в экономическом пространстве регионов Юга России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. — Волгоград: ВолГУ, 2009. — 26 с.
4. Ерзнкян Б. А. Трансакционные корни экономического кризиса и его уроки для развития российской экономики // Теория и практика институциональных преобразований в России. Сборник научных трудов под ред. Б. А. Ерзнкяна. Вып. 14. — М.: ЦЭМИ РАН, 2009. — 174 с.
5. Ерзнкян Б. А., Агафонов В. А. Сетевая природа кластерной системы и основные направления формирования кластерной стратегии мезоэкономического развития России // Экономическая наука современной России. — 2011. — № 1. — С. 20-39.
6. Ерзнкян Б. А., Акинфеева Е. В. Региональные кластеры как сетевые структуры. Особенности формирования и перспективы развития // Микроэкономика. — 2009. — № 3. — С. 161-174.
7. Катуков Д. Д., Малыгин В. Е., Смородинская Н. В. Институциональная среда глобализированной экономики: развитие сетевых взаимодействий. Научный доклад / под ред. Н. В. Смородинской. — М.: Институт экономики РАН, 2012. — 45 с.
8. Конкурентные отношения и механизмы государственной конкурентной политики. — М.: ИЭ РАН, 2011. — 258 с.
9. Лобанов М. М. Формирование комплексов и кластеров в промышленности в условиях рыночных отношений // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2011. — № 10.
10. Нуреев Р. М. Россия после кризиса — эффект колеи // Журнал институциональных исследований. — 2010. — Т. 2. — № 2.
11. Паринов С. И. К теории сетевой экономики. — Новосибирск, ИЭОПП СО РАН, 2002. — 168 с.
12. Попов Е. В. Эволюция институтов микроэкономики. — М.: Наука, 2007. — 545 с.
13. Портер М. Международная конкуренция. — М.: Международные отношения, 1993. — 896 с.
14. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. — СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996. — 702 с.
15. Шаститко А. Е. Кластеры как формы пространственной организации экономической деятельности. Теория вопроса и эмпирические наблюдения // Балтийский регион. — 2009. — Т. 2. — № 2. — С. 107-117.
16. Podolny J. M., Page K. L. Network Forms of Organization // Annual Review of Sociology. — 1998. — Vol. 24.
17. Skinner B. F. Operant Behavior. In: Honig W.K. (ed.) Operant Behavior — Areas of Research and Application. — New York: Meredith, 1966. — 865 p.
18. Williamson O. E. Markets and Hierarchies. Analysis and Antitrust Implications. — New York: Free Press, 1975. — 286 pp.

УДК 332.133.6

Ключевые слова: институты, сетевые структуры, кластеры, гибридные устройства, кластерная стратегия, динамика кластеризации